

К ВОПРОСУ ОБ ОБРАЗОВАНИИ СТАРОСЛАВЯНСКИХ СЛОЖНЫХ СЛОВ

© 2018 г. В.С. Ефимова

*Д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник и заведующий
Отделом славянского языкознания Института славяноведения РАН.
E-mail: valeriefimova@yandex.ru*

Большая часть сложных слов в старославянском языке образована в процессе переводов с греческих оригиналов самими славянскими книжниками. Автор считает, что изучение способов образования этих сложных слов целесообразно подчинить задаче выявления путей формирования старославянского лексического инвентаря. Таким образом, необходимо учитывать не только словообразовательные связи, складывавшиеся внутри старославянского лексикона, но прежде всего обстоятельства вхождения сложных слов в старославянский лексический инвентарь.

Most of the compound words in Old Church Slavonic language were formed in the process of translations from Greek original texts by the medieval Slavic bookmen themselves. The author believes that the study in word-formation of these compound words should be subordinated to the task of revealing methods of creation of the Old Church Slavonic lexical inventory. Thus, it is necessary to take into account not only the word-formation relations that developed within the Old Church Slavonic lexicon, but above all the circumstances of insertion of these compound words into the Old Slavonic lexical inventory.

Ключевые слова: старославянский язык, сложные слова, калькирование.

Keywords: Old Church Slavonic, compound words, calques creation.

DOI: 10.31857/S0869544X0000461-0

Известно, что в старославянском лексиконе сложные слова (компози́ты и дериваты от компози́тов) занимают довольно большое место. Согласно подсчетам Р.М. Цейтлин, в языке старославянских памятников сложным словом является каждое 16-е [1. С. 186]. Что касается частеречной принадлежности старославянских сложных слов, то по подсчетам Л. Забранского, сделанным им на материале двух современных старославянских словарей [2; 3] и приведенным в его диссертации, подавляющее большинство из них представляют собой именные компози́ты: от общего их числа 46,64% приходится на долю существительных, 38,67% — на долю прилагательных и только 9,91% — на долю глаголов и 4,78% — на долю наречий

[4. С. 46–49]. Известно также, что часто старославянские композиты оказываются кальками с греческого. По-видимому, не менее 90% старославянских сложных слов представляют собой слова, образованные с участием калькирования греческих образцов (ср. подсчеты Р. Цетта [5]). Так как в таком случае большинство старославянских сложных слов следует считать словами, бесспорно являющимися результатом словотворчества самих переводчиков, такой «расклад» достаточно красноречиво характеризует направление номинационной активности славянских книжников.

Старославянские сложные слова, начиная с известного исследования славянских композитов В.И. Ягича [6], неоднократно оказывались в центре внимания палеославистов. Традиционно в категорию старославянских сложных слов включались как композиты, так и дериваты от композитов (как *богороднца*, так и *богороднчннз*), т. е. все слова, имеющие в своей морфемной структуре два (в редчайших случаях более двух) знаменательных корня. Такой подход к старославянским сложным словам применяется «по умолчанию» во многих работах и после появления современной теории словообразования¹. Как будет показано ниже, изучение старославянских композитов и дериватов от композитов в рамках одной категории сложных слов совершенно оправданно: иногда (и даже не очень редко) есть причины одно и то же старославянское сложное слово рассматривать и как композит, и как дериват от композита. Таким образом, старославянский материал вынуждает нас вернуться к определению сложного слова, данному «корифеями» отечественной теории словообразования И.С. Улухановым и В.В. Лопатиным в начале 60-х годов прошлого века: основным признаком сложных слов является наличие в слове двух или нескольких корневых морфем или основ [11. С. 202–203].

Ряд работ о старославянских сложных словах не потерял своего значения до настоящего времени. Вместе с тем на сегодняшний день существует довольно много связанных с этой категорией слов нерешенных проблем; среди них — способы их образования, в отношении которых до сих пор остается много спорного и неясного. С появлением отечественной теории синхронного словообразования появились попытки «спустить» эту теорию и на старославянский материал. В частности, такие попытки предпринимались в работах Н.Н. Низаметдиновой, в монографиях которой, посвященных сложным словам в русском языке XI–XVII вв., уделены большие главы и сложным словам старославянским [12; 10]. Здесь мы оставляем в стороне вопрос о возможности корректности в исследовании синхронных словообразовательных связей в лексиконе, извлеченном из письменных

¹ Композиты и дериваты от композитов рассматриваются вместе в качестве сложных слов и в известной монографии 1977 г. Р.М. Цейтлин [1], и в исследованиях 60–70-х годов прошлого века довольно большого материала из древнерусских списков Л.В. Вялкиной [7], и в относительно недавних диссертациях Л. Забранского [4] и Ц. Досевой [8. С. 166–251]. Э. Фэльт в своей монографии о сложных словах в переводе *Περὶ τοῦ ἰουδαϊκοῦ λόγῳ* также включает дериваты от композитов в категорию сложных слов (compounds), хотя обосновывает свою позицию в рамках концепции трансформационной грамматики [9. С. 13, 62–63]. Ср. желание Н.Н. Низаметдиновой непременно разграничить «сложные» и «производно-сложные» слова в (древне)русском языке XI–XVII вв., для чего ею были разработаны специальные критерии [10. С. 38–42].

памятников XI–XVII вв., и целесообразности такого исследования, проведенного Н.Н. Низаметдиновой. Свою задачу (гораздо более важную, на наш взгляд, и с лингвистической, и с культурологической точек зрения) мы видим в определении путей формирования старославянского лексического инвентаря и, следовательно, не только и не столько в выявлении синхронных словообразовательных связей и направлений мотиваций в лексической системе старославянского языка, сколько в изучении механизмов номинации при осуществлении переводов на старославянский язык (главным образом с греческого языка).

Вслед за Н.И. Толстым старославянским языком мы называем ранний этап (вторая половина IX — начало XI в.) древнеславянского языка — общего литературного языка всех славян [13. С. 47]². Не приходится сомневаться, что в указанный период времени старославянская языковая система функционировала в качестве единого структурного целого, что внутри старославянского лексикона могут и должны выявляться словообразовательные связи и словообразовательные мотивации, которые отчасти могут быть определены в терминах синхронной словообразовательной теории³. Вместе с тем нельзя забывать, что в действительности старославянский лексический инвентарь весь этот относительно небольшой период времени постоянно находился в стадии становления (особенно в начале этого периода). Старославянский лексикон формировался постепенно, по мере осуществления очередных переводов на славянский язык с греческого языка текстов Св. Писания, различных произведений византийской литературы (житий, гомилий, гимнографических текстов, текстов юридического содержания и т. д.). Нельзя забывать также и о том, что «классические старославянские» рукописи X–XI вв. (рукописи так называемого «старославянского канона»⁴) дошли до нас довольно случайно, в них сохранилась совсем небольшая часть огромного объема литературы, которая в действительности была переведена или написана самостоятельно на старославянском языке в IX — начале XI в. Отсюда очевидно, что для получения адекватного представления о составе старославянского лексического инвентаря необходимо корректно, с соблюдением определенных принципов, о которых нам приходилось уже писать неоднократно (см., например, в [16]), использовать и более поздние списки со старославянских протографов. В равной мере это относится к изучению лексики «высокого регистра», который формировался в основном за счет результатов словотворчества самих славянских книжников и к которому в большинстве своем принадлежат старославянские сложные слова.

² Н.И. Толстой определяет древнеславянский язык как общий литературный язык всех славян, начало которому положили свв. Кирилл и Мефодий и который бытовал на славянских землях в течение Средневековья в виде разных изводов — среднеболгарского, русского, сербского [13. С. 34–52].

³ Именно этими положениями мы руководствовались, в частности, в своей монографии [14].

⁴ Р.Н. Кривко, отмечая в недавно изданной монографии неудачность традиционного термина «старославянский канон», предлагает вслед за Г. Кайпером использовать для этих рукописей название «(старославянский) корпус» [15. С. 1–3]. По нашему мнению, однако, любой термин — «классические (старославянские) рукописи», рукописи «старославянского канона», «(старославянский) корпус» — довольно условен, в то время как всем палеославистам известно, о каких 17 древнеболгарских рукописях X–XI вв. идет речь.

Важнейшим «инструментом» словотворчества славянских книжников являлось разного рода калькирование. По отношению к процессу формирования старославянского лексического инвентаря три основных вида старославянского калькирования — семантические кальки, фразеологические кальки, поморфемные кальки имеют принципиальные различия [17]. Поморфемное калькирование наиболее широкое применение нашло именно при образовании композитов. В предыдущих своих работах мы попытались показать, что старославянское поморфемное калькирование необходимо рассматривать в качестве специфического способа словообразования, изучая его в рамках исследований всей старославянской словообразовательной системы ([18; 19. С. 17–24, 91–115; 20] и др.). Специфика старославянского поморфемного калькирования как способа словообразования определяется сочетанием калькирования с задействованными в нем словообразовательными процедурами и мотивациями: с одной стороны, в области отношений «текст → текст» непосредственно в процессе перевода на славянский определенного слова греческого текста и, с другой стороны, в сфере парадигматических связей внутри складывавшегося старославянского лексикона [18]. Область отношений «текст → текст» при создании нового старославянского композита характеризуется тем, что славянские книжники переводили, как правило, две корневые (т. е. знаменательные, указывающие на понятия) морфемы греческого композита. Соположение в старославянском композите двух корневых знаменательных морфем (основ), диктуемое греческим образцом, указывает на калькирование (на тот самый «поморфемный перевод», о котором часто говорят в таких случаях — ср., например, в [21. С. 18–19; 22]).

При этом важно отметить следующее: отношения «текст → текст» в случае применения этого специфического способа словообразования характеризуются также тем, что для славянских книжников имела значение прежде всего общая семантика (*le sens général*) корней (основ) калькируемого греческого слова. В результате иногда мы сталкиваемся с явлением использования книжниками «готовых компонентов» с такой общей семантикой, предназначенных для передачи определенных компонентов греческих. Поэтому не всегда можно указать на какого-либо рода славянское словосочетание (зафиксированное в текстах или предположительно возможное), на базе которого мог бы быть образован старославянский композит. Отсюда следует, что не всегда между компонентами старославянского композита могут быть установлены непосредственные семанτικο-синтаксические зависимости.

Рассмотрим, например, ряд старославянских композитов, образованных с помощью калькирования греческих композитов, первый компонент которых представлен основой ζω(ο)-. Основа ζω(ο)- (глагола ζῆν) имеет семантику ‘жить, быть живым’ [23. Т. I. Р. 402–403]. Видимо, из калькирующих греческие композиты с основой ζω(ο)- первым был образован нашими первыми славянскими переводчиками композит жнвотворнтн — на базе глагола творнтн ‘делать’ в качестве опорного компонента, в качестве

же первого компонента использовалась основа жнв- (от прил. жнвз(ын) ‘живой’): ζωοποιεῖν ~ жнвтворити. И в тексте Апостола, и календаре Евангелия-апракос (пример сохранился в Ассеманиевом евангелии) глагол жнвтворити встречается в форме дейст. причастия наст. вр. (ζωοποιῶν ~ жнвтворан): Рим 4:17: κατέναντι οὗ ἐπίστευσεν θεοῦ, τοῦ ζωοποιοῦντος τοὺς νεκρούς⁵ — прямо жнвтворя бѣ . жнвтворящ^юу мѣртвѣи Христ, Слепч, Мат; 1 Тим 6:13: Παραγγέλλω σοι ἐνώπιον τοῦ θεοῦ τοῦ ζωοποιοῦντος τὰ πάντα — Охр (2х), Слепч, Шиш, Мат; поклонение чes(ть)ноу^{моу} н жнвтворящ^юмоу крстоу хѣоу Ас 115а 8 (греч. не соотв.). В данном случае мы видим модель чистого сложения, т.е. «основа (жнв-) + целое слово (творити/творан)»; прозрачные семантико-синтаксические зависимости легко устанавливаются: жнвтворити — «делать живым, оживлять»⁶. Подтверждение возможности в старославянском языке соответствующего словосочетания жнв творити ‘делать живым’ находим в тексте Супрасльской рукописи, в Молитве Пиония: слава тебѣ їсѹ хѣ ... съ ннмз сѣи прнсно слово божне . жнвѣи снаа н жнвзѣ твора всѣа . Супр 143,5.

Подобные семантико-синтаксические зависимости можно установить и в композите жнвтворѣцъ, употребленном в календаре Ассеманиева евангелия в сходном с приведенным выше контексте (Ас 115а 8) и так же, как и прич. жнвтворан, служащем определением (приложением) слова крѣстѣ. Ср.: Ὑψωσις τοῦ τιμίου καὶ ζωοποιοῦ Σταυροῦ — в(з)двнже)нїе чes(ть)на(аго) жнвтворѣца к(рѣ)ста г(осподь)нѣ Ас 117а 22–23. Композит жнвтворѣцъ образован с помощью калькирования имени ζωοποιός⁷ на базе отглагольного имени творѣцъ в качестве опорного компонента и основы жнв- в качестве первого компонента, т.е. здесь также использована модель чистого сложения «основа (жнв-) + целое слово (творѣцъ)». Следует отметить, что славянские книжники стали широко использовать прич. жнвтворан для передачи гораздо чаще, чем ζωοποιῶν, встречающегося в переводимых греческих текстах композита ζωοποιός (ср., например, уже в Синайском еххологии: в 16b 14, в 20a 19, в 56a 5, в 64b 4, в 96a 1), тогда как сущ. жнвтворѣцъ оказалось на периферии старославянского лексического инвентаря.

Однако, если обратиться к композиту жнвдавецъ ‘дающий жизнь, даритель жизни’, образованному с помощью калькирования греч. ζωοδοτής, в его структуре

⁵ Греческий текст Нового Завета цитируется по [24], Ветхого завета — по [25], греческий текст оригиналов Супрасльской рукописи — по изданию [26], греческий текст календаря Евангелия — по [27].

⁶ Ср. у А. Достала: «živo-tvoriti “oživovati”» [28. S. 475].

⁷ Второй компонент -ποιός этого греческого композита по происхождению представляет собой имя, каким-то образом связанное с глаголом ποιεῖν, хотя соотношение между ποιεῖν и ποιός не вполне ясно [29. Bd. II. S. 570–572; 23. T. III. P. 923].

уже нельзя усмотреть таких непосредственных семантико-синтаксических зависимостей. Хотя композит жнводавьць не зафиксирован в кругу «классических старославянских» рукописей, его создание без всяких сомнений следует отнести к эпохе существования старославянского языка, что подтверждается многочисленными свидетельствами более поздних списков со старославянских протографов гимнографических текстов: обнаруживаем его и в древнейшей Ильиной книге XI в. [30. С. 217], и в Новгородских минеях 1096 и 1097 гг. [31. Т. I. Ст. 866], и в списках с произведений Климента Охридского [32. С. 135; 33. С. 102]. Как в греческом, так и в старославянском композите мы видим модель чистого сложения: «основа (ζω(ο)-) + целое слово (δότης)» ~ «основа (жнв-) + целое слово (давць)», однако основа жнв- выбрана славянскими книжниками в качестве «готового компонента», уже использовавшегося для передачи основы ζω(ο)-.

В списках со старославянских протографов гимнографических текстов встречается и другой вариант перевода греч. ζωδότης — композит жнзн-давьць, с основой жнзн- (от сущ. жнзнъ ‘жизнь’) в качестве калькирующего основу ζω(ο)- первого компонента. Как видим, модель чистого сложения та же: «основа (жнзн-) + целое слово (давць)», однако в композите восстанавливаются непосредственные семантико-синтаксические зависимости: «дающий жизнь, даритель жизни». Этот композит был несколько менее, чем композит жнводавьць, распространен в эпоху существования старославянского языка, но засвидетельствован в гимнографических текстах достаточно надежно [30. С. 217; 31. Т. I. Ст. 872]. Зафиксирован композит жнзн-давьць и в лексическом инвентаре «классических старославянских» рукописей — обнаруживаем его в Супрасльской рукописи (Супр 176,18), где он, однако, использован для передачи словосочетания ὁ τῆς ζωῆς χορηγός и был, видимо, взят как уже готовое слово из переводов гимнографических текстов. Вместе с тем в поздних списках со старославянских протографов не исключены замены. Так, например, в 4-м тропаре 1-й песни Канона св. Иоанну Предтече 1-го гласа Климента Охридского находим вариативность по спискам жнводавьць — жнзн-давьць: ὁρος ἀλατόμητον, ἡ τὸν ζωδότην Χριστὸν τῷ κόσμῳ κυήσασα. — горо нестькомаѧ . жнводавьца хрнста мнровн рожьшнѧ (список XII–XIII вв.) — горо нестькомаѧ . ѧже жнзн-давьца хѧ . мнровн порожьшн . (список XIV в.) [32. С. 135; 34. С. 40].

В процессе создания новых композитов для славянских книжников не имела, видимо, значения и частеречная принадлежность калькируемых корней (т. е. глагольное либо именное их происхождение на уровне греческого языка византийской эпохи). Так, например, нет сомнений, что при образовании композита кокотоглашенне в стихе евангельского тетра Мк 13:35 (сохранившегося в Мариинском евангелии) использовалось калькирование композита ἀλεκτοροφωνία. При этом наших первых славянских переводчиков (для которых, кстати, греческий был языком родным) не смущало, видимо, то обстоятельство, что в ἀλεκτοροφωνία корень -φων- второго компонента — имен-

ного происхождения (т. е. корень имени φωνή ‘звук (любой, в том числе животных и птиц)’, глагол же φωνεῖν — дериват от этого имени) [23. Т. IV/2. Р. 1237)), тогда как в *коцоглашенне* корень второго компонента — происхождения глагольного (от глагола гласити). То же самое можно сказать и об образовании композита *коуруглашенне*, сохранившегося в том же стихе в Зографском евангелии, а также и в Остромировом евангелии. Показательны примеры такого словообразования старославянских композитов на базе глаголов (т. е. с корнями глагольного происхождения) при калькировании греческих композитов с именным вокализмом во втором компоненте. Например, при калькировании композитов с корнем -ток- во втором компоненте (корень имени τόκος ‘рождение; плод, дитя и под.’, деривата от глагола τίκτειν [23. Т. IV/1. Р. 1118]) старославянские композиты образовывались на базе глагола родити: θεοτόκος → *богородница*; πρωτότοκος → *прывородыць*. Также показательно, например, образование композита *крзвонаденне* ‘крово-жадность’, встречающегося в Супрасльской рукописи в Слове на пасху (№ 42), где имело место калькирование композита αἰμοβόρος ‘питающийся кровью’⁸. В оригинале этой гомилии композит αἰμοβόρος использован в форме ср. р. в субстантивном употреблении — наряду с таким же субстантивным употреблением в форме ср. р. прил. φονώδης ‘убийственный, смертоносный’, т. е. текст оригинала гомилии приписывает иудеям «кровожадность» и «смертоносность» как свойства, ими обнаруженные: οὐ μόνον γὰρ τὴν βασιλείαν ὑπετέλου, ἀλλὰ γὰρ καὶ τὸ αἰμοβόρον καὶ φονώδες τῶν Ἰουδαίων ἐπεδείκνυτο. — не тзкма бо цесарство образовааше . нз н *крзвонаденне* н оубнство жндовз навьяаше . Супр 484,23. В корне -бор- композита αἰμοβόρος видим вокализм имени борά (соотносительного с глаголом βιβρώσκειν [23. Т. I. Р. 175]), в то время как композит *крзвонаденне* образован на базе глагола ѡдѣтѣ с корнем -ѡдѣ-.

С другой стороны, в образовании новых старославянских композитов принимали участие словообразовательные мотивации внутри старославянского лексикона, а на словообразовательную процедуру налагались правила старославянского словообразовательного механизма. Первые славянские переводчики свв. Кирилл и Мефодий и их последователи, опираясь в строительстве старославянского лексического инвентаря на народную славянскую речь того времени, восприняли и славянские модели сложений — как архаичные бессуффиксальные⁹, так и суффиксально оформленные. Основная масса старославянских композитов создавались славянскими книжниками с помощью моделей чистого сложения и суффиксально-сложных, при этом в суффиксально-сложных моделях использовались, главным образом, продуктивные суффиксы, указывающие на частеречную принадлежность композита. Особо следует обратить внимание на то, что подлежащие переводу греческие композиты во многих случаях суффиксов, указывающих на их частеречную при-

⁸ Ср. значение, приведенное П. Шантреном: «qui se nourrit de sang» [23. Т. I. Р. 175].

⁹ Бессуффиксальными эти модели являются для эпохи старославянского языка. Об использовании славянскими книжниками архаичных моделей сложения подробнее см. в [18. С. 118–122; 35. С. 32–35].

надлежность, не имели, что говорит о приоритете славянских словообразовательных механизмов в процедуре образования композитов и самостоятельности «словообразовательной стратегии» книжников. Так, если обратиться к приведенным выше примерам, то в ἀλεκτοροφωνία ~ кокотоголашение (равно и в ἀλεκτοροφωνία ~ коуроголашение) можно усмотреть соответствие суффикса *-i(a)* и продуктивного суффиксального комплекса *-enjb(e)*. Однако в примерах θεοτόκος ~ богородица, πρωτότοκος ~ прывородец мы видим, что греческие композиты не имеют суффиксов, указывающих на их частеречную принадлежность к прилагательным либо существительным, в то время как старославянские композиты имеют продуктивные суффиксы — соответственно *-ic(a)* и *-bc(b)*, указывающие на их принадлежность к существительным. Также и композит αἰμοβόρος не имеет суффикса, указывающего на его частеречную принадлежность, в то время как у композита крѣвоуаѣнне, употребленного в Супрасльской рукописи, продуктивный суффиксальный комплекс *-enjb(e)* указывает на его принадлежность к существительным. Показателен в связи с этим пример иного перевода композита αἰμοβόρος в другом месте Супрасльской рукописи: в греческом оригинале Жития Дометия тоже встречается композит αἰμοβόρος, но для его передачи была потребность создать композит-прилагательное. Оно и было создано с характерным для узуса преславских книжников суффиксом прилагательных *-iv-*: крѣвоуаѣннѣз ‘кровожадный’ (ὡς λέοντες οἱ αἰμοβόροι — акы львѣн крѣвоуаѣннѣнн Супр 216,22–23).

О самостоятельности «словообразовательной стратегии» славянских книжников говорит и известная перемена мест компонентов в старославянских композитах в сравнении с греческими образцами, особенно в образованных на базе глагола лѣбѣти (т. е. с корнем *-лѣб-* в опорном компоненте — ср., например, φίλοπτωχος → ннѣлѣбѣць в Евх 70b 12–13 и т.п.). То есть славянские книжники архаичной греческой модели композитов предпочитали более современную старославянскую модель. Встречаются старославянские композиты на базе этого глагола и без перемены мест компонентов, но они как раз отражают изменение «словообразовательной стратегии» книжников в сторону возможно бóльшей лингвистической точности перевода. Впервые мы наблюдаем это явление в переводах преславских книжников. Ср., например: φίλοπτωχος → ннѣлѣбѣць в Евх 70b 12–13; φίλοπτωχος → лѣбоннѣць в Супр 120, 2–3 [18. S. 125–126].

Как уже подчеркивалось выше, старославянский лексикон формировался по мере осуществления очередных переводов на старославянский язык (главным образом, с греческого языка). Обычно палеослависты говорят о «византийском» этапе становления старославянского языка (т.е. до приезда свв. Кирилла и Мефодия в Моравию), «великоморавском» этапе и «балканском» этапе, связанном с расцветом Преславского и Охридского центров письменности. Круг переводимых греческих текстов расширялся постепенно — от самых необходимых в богослужении до агиографической литературы, предназначенной для «домашнего» чтения, и богословских трактатов. В этом переводческом процессе так же постепенно

пополнялся и старославянский лексический инвентарь — за счет как «готовых» слов, т. е. лексикой народной славянского речи того времени (нередко с расширением семантического объема) и книжными заимствованиями из греческого, так и за счет слов — результатов словотворчества самих славянских книжников. Эту постепенность вхождения в старославянский лексический инвентарь новых слов, особенно слов, создаваемых самими книжниками, чрезвычайно важно учитывать при изучении механизмов номинации в старославянском языке.

В частности, решение вопроса о том, являлось ли старославянское сложное слово калькированным композитом или дериватом от композита, зависит от учета обстоятельств его вхождения в старославянский лексический инвентарь. Так, например, в переводе Евангелия-апракос и Псалтыри, т. е. на самом начальном этапе становления старославянского лексикона, в него вошло сложное слово благоволение (которое затем прочно в нем закрепилось и стало высокочастотным): Лк 2:14: Δόξα ἐν ὑψίστοις θεῷ, καὶ ἐπὶ γῆς εἰρήνη· ἐν ἀνθρώποις εὐδοκία. — вѣ ѱѣхъ благоволеніе . Зо҃гр, Мар, Ас, Сав, Ват; Лк 10:21: ναί, ὁ πατήρ, ὅτι οὕτως ἐγένετο εὐδοκία ἔμπροσθέν σου. — еи оѣѣ ꙗко тако вѣстѣ . благоволеніе прѣдъ тобоѣ . Зо҃гр, Мар, Ас, Сав; Пс 5:13: ὡς ὅπλω εὐδοκίας ἐστεφάνωσας ἡμᾶς — ꙗко шѣтомъ благоволеніѣ вѣнѣуаѣъ нзи еси . Син.

Если оставить в стороне принцип учета обстоятельств вхождения переводящей лексемы в старославянский лексический инвентарь, образование сложного слова благоволение можно было бы рассматривать и как чистое сложение по модели «основа (благ-) + целое слово (воление)» при непосредственном калькировании греч. εὐδοκία (образованного, правда, по другой модели) — тогда его следовало бы признать композитом, и как дериват с суффиксальным комплексом *-enjb(e)* от глагола-композита благовоити, кальки глагола εὐδοκεῖν. Однако слово воление было на периферии старославянского лексикона и, видимо, вошло в него относительно поздно, гораздо позже перевода Евангелия-апракос и Псалтыри: его не только не фиксируют старославянские словари [2; 3], но известен, кажется, единственный пример с этим словом — в Пандектах Антиоха по древнерусскому списку XI в. ([31. Т. I. Ст. 289], тот же пример по Великим Минеем-Четьим XVI в. приводит и Словарь русского языка XI–XVII вв. [36. С. 313]). С другой стороны, глагол-композит благовоити, калькирующий глагол-композит εὐδοκεῖν, вошел в старославянский лексический инвентарь также на самом начальном этапе его становления, в процессе перевода Евангелия-апракос и Псалтыри: Мт 3:17: Οὗτός ἐστιν ὁ υἱός μου ὁ ἀγαπητός, ἐν ᾧ εὐδόκησα. — сь естѣ снъ мой . възлюбленъ . о немъ же благовоихъ . Зогр, Ас, Сав; Пс 39:14: εὐδόκησον κύριε τοῦ ῥύσασθαι με — благовои ꙗ́ко нзбави́ мѧ . Син. Учитывая это обстоятельство, образование сложного слова благоволение следует, очевидно, рассматривать как деривацию от глагола-композита благовоити.

При изучении способов образования старославянских сложных слов необходимо также учитывать, что слово, введенное книжниками

в старославянский лексический инвентарь из народной славянской речи или созданное ими самими для перевода определенного греческого слова определенной морфемной структуры, затем могло употребляться для перевода и других греческих слов, другой морфемной структуры. В отношении старославянских калек-композитов это наблюдение впервые, кажется, сделала Э. Благова [37. S. 261–262], хотя оно справедливо и в отношении слов другой морфемной структуры и другого происхождения [38. С. 411–412]. Игнорирование этого обстоятельства может привести к «далеко идущим выводам». Так, например, в упомянутой выше монографии Н.Н. Низаметдиновой 2013 г. рассматривается группа старославянских сложных слов калек с греческого. В качестве примера случая, где «перевод греческих сложных слов был сопряжен с образным переосмыслением их семантической структуры», приводится пара жестосръдз — θηριώδης [10. С. 72]. Автор монографии исходила из убеждения (очень распространенного, к сожалению, среди лингвистов), что лексикон старославянского языка (IX – начала XI в.) исчерпывающе представлен в Старославянском словаре 1994 г. [2], словник которого составлен на основе «классических старославянских» рукописей. Между тем уже в статье 2007 г., в которой мы предлагали рассматривать старославянское калькирование как специфический способ словообразования, нами был указан способ создания композита жестосръдз(ын) в процессе перевода стиха Притч 17:20 путем калькирования греч. σκληροκάριος с точным семантическим соотношением корней — в ряду других композитов с «готовым» опорным компонентом сръдъ [18. S. 120]. Не приходится сомневаться, что употребленный в соответствии с θηριώδης (в словосочетании τὰ θηριώδη ἔθνη) в переводе Слова Епифания Кипрского «На погребение Христово» композит жестосръдз(ын) и обнаруженный Н.Н. Низаметдиновой в Супрасльской рукописи¹⁰, был уже введен в старославянский лексический инвентарь ранее, при переводе Паремейника, начало которому, как известно, было положено в великоморавский период деятельности свв. Солунских братьев, хотя древнейшие из дошедших до нашего времени списков Паремейника и относятся к XII–XIV вв. Ср. в древнейшем Григоровичевом паримейнике (в субстантивном употреблении): ὁ δὲ σκληροκάριος οὐ συναντᾷ ἀγαθοῖς — а жестосръдзѣ не оутзкнетъ са благѣиѣхъ . Притч 17:20 Григ.

Разумеется, слово, созданное и введенное в старославянский лексический инвентарь славянскими книжниками, в дальнейшем могло «обратиться» собственными дериватами, т. е. в образовании нового сложного слова уже не участвовали отношения в сфере «текст → текст», заключающиеся в процессе непосредственного калькирования определенного слова греческого текста, а участвовали только парадигматические связи внутри

¹⁰ Текст следующий: τῆς τὰ θηριώδη ἔθνη πάντα ἐκ κατακλυσμοῦ ἀσεβείας διὰ περιστερὰς ἀγίου πνεύματος διασωσάσης — сѣпасѣши жестосръдѣа всѣа азѣкѣи . отъ потопа нечѣстнѣи . голѣбемѣз сѣаго доуха . Супр 460,17. Супрасльская рукопись, тексты которой были либо переведены изначально преславскими книжниками, либо в большей или меньшей мере подвергнуты их редакции, входит в «старославянский канон», и лексика ее включена в словник Старославянского словаря 1994 г. [2].

старославянского лексикона. Так, например, в той же Супрасльской рукописи, но в Слове на Вербное воскресение обнаруживается (тоже в субстантивном употреблении) сложное слово жестосръднѣз(ѣн) — дериват от композита жестосръдз(ѣн) с характерным для узуса преславских книжников суффиксом *-iv-*. В данном случае старославянское слово используется для перевода уже однокорневого (не сложного) слова ἁχάριστος: Ακούσατε οἱ ἁχάριστοι, τί εὐαγγελίζεται ὑμῖν ὁ προφήτης Ζαχαρίας — сазыште жестосръднѣнн . Что вамъ благовѣстнтъ захарна пророкъ . Супр 324,16.

Таким образом, есть, на наш взгляд, все основания образование подавляющего большинства старославянских сложных слов, представленного созданными самими славянскими книжниками композитами, рассматривать (за небольшими исключениями типа δανειστής ~ занмодавѣць) как специфический способ словообразования, который, как мы отмечали уже в статье 2007 г. [18. S. 128], был по подобию двуликого Януса обращен сразу в две стороны: во-первых, к слову греческого оригинала, чью морфемную и семантическую структуру он воссоздавал с помощью калькирования славянскими морфемами, и, во-вторых, к старославянскому словообразовательному механизму с его моделями, словообразовательными средствами, общей словообразовательной стратегией славянских книжников.

СОКРАЩЕНИЯ НАЗВАНИЙ РУКОПИСЕЙ

Ас — Ассеманиево евангелие, древнеболгарская рукопись X—XI вв.
 Ват — Ватиканское евангелие, древнеболгарская рукопись XI в.
 Григ — Григоровичев паремейник, среднеболгарская рукопись XII—XIII вв.
 Евх — Синайский евхологий, древнеболгарская рукопись X—XI вв.
 Зогр — Зографское евангелие, древнеболгарская рукопись X—XI вв.
 Мар — Мариинское евангелие, древнеболгарская рукопись X—XI вв.
 Мат — Матичин апостол, древнесербская рукопись XIII в.
 Охр — Охридский апостол, среднеболгарская рукопись XIII в.
 Сав — Саввина книга, древнеболгарская рукопись X—XI вв.
 Син — Синайская псалтырь, древнеболгарская рукопись X—XI вв.
 Слеч — Слеченский апостол, среднеболгарская рукопись XII в.
 Супр — Супрасльская рукопись, древнеболгарская рукопись X—XI вв.
 Христ — Христинопольский апостол, древнерусская рукопись XII в.
 Шиш — Шишатовский апостол, древнесербская рукопись 1324 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Цейтлин Р.М. Лексика старославянского языка. Опыт анализа мотивированных слов по данным древнеболгарских рукописей X—XI вв. М., 1977.
2. Старославянский словарь (по рукописям X—XI веков) / Под ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. М., 1994.
3. Slovník jazyka staroslověnského. Praha, 1958—1997. T. I—IV.
4. Zábranský L. Kompozita ve staroslověnině / Compounds in Old Church Slavonic (disertační práce). Praha, 2010. <https://is.cuni.cz/webapps/zzp/download/140008934/?lang=cs>.

5. Zett R. Beiträge zur Geschichte der Nominalkomposita im Serbokroatischen. Die altserbische Periode. Köln, 1970.
6. Jagić V. Die slavischen Composita in ihrem sprachgeschichtlichen Auftreten // Archiv für slavische Philologie. Berlin, 1898. Bd. 20. S. 519–556; Berlin, 1899. Bd. 21. S. 28–43.
7. Вялкина Л.В. Словообразовательная структура сложных слов в древнерусском языке XI–XIV вв. // Вопросы словообразования и лексикологии древнерусского языка. М., 1974.
8. Досева Ц.Г. Имена за лица в Новгородските минеи от 1095–1097 г. Дисертационен труд за присъждане на образователната и научна степен “доктор”. София, 2013.
9. Fält E. Compounds in contact: A Study in Compound Words with Special Reference to the Old Slavonic Translation of Flavius Josephus’ *Περὶ τοῦ Ἰουδαϊκοῦ πολέμου*. Uppsala, 1990.
10. Низаметдинова Н.Н. Сложные слова в русском языке XI–XVII вв.: словообразовательная структура, семантика, морфемика. М., 2013.
11. Лопатин В.В., Улукханов И.С. О некоторых принципах морфемного анализа слов: (К определению понятия сложного слова в современном русском языке) // Известия АН. Серия литературы и языка. 1963. Т. 22. Вып. 3.
12. Низаметдинова Н.Х. Словообразование сложных слов в русском языке XI–XVII вв. М., 2013.
13. Толстой Н.И. История и структура славянских литературных языков. М., 1988.
14. Ефимова В.С. Старославянская словообразовательная морфемика. М., 2006.
15. Кривко Р.Н. Очерки языка древних церковнославянских рукописей. М., 2015.
16. Ефимова В.С. Проблема реконструкции лексического фонда старославянского языка // Славянский альманах 2001. М., 2002.
17. Ефимова В.С. Лексикология старославянского языка: проблемы и методы исследований // Лексикология и лексикография славянских языков (в печати).
18. Ефимова В.С. О старославянском калькировании как специфическом способе словообразования // *Vyzantinoslavica*. Praha, 2007. T. LXV. Fasc. 2.
19. Ефимова В.С. Наименования лиц в старославянском языке: способы номинации и приоритеты выбора. М., 2011.
20. Ефимова В.С. К вопросу об изучении калькирования в старославянском языке // *Славяноведение* 2015. № 2.
21. Верещагин Е.М. История возникновения древнего общеславянского литературного языка: переводческая деятельность Кирилла и Мефодия и их учеников. М., 1997.
22. Илиева Т. Поморфемият принцип на превеждане в ЕзФ.1.461 // *Lettera et lingua*, пролет – лято 2013. Електронно списание за хуманитаристика. http://slav.uni-sofia.bg/naum/lilijournal/2013/1_2/ilievat.
23. Chantraine P. Dictionnaire etymologique de la langue grecque: Histoire des mots. Paris, 1968, 1970, 1974, 1977. T. I–IV.
24. Robinson M.A., Pierpont W.G. The New Testament in the original Greek: Byzantine Text-form. Southborough, Mass., 2005.
25. Septuaginta / Ed. A. Rahlfs. 5-th ed. London, 1952. Vol. I–II.
26. Заимов Й., Каналдо М. Супрасълски или Ретков сборник. София, 1982–1983. Т. 1–2.
27. Μηναῖα τοῦ ὅλου ἐνιαυτοῦ. Ἐν Ρώμῃ, 1888. Т. I.
28. Dostál A. Studie o vidovém systému v staroslověnině. Praha, 1954.
29. Frisk H. Griechisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1960–1972. Bd. I–III.
30. Ильина книга (XI в.): Исследования. Указатели / Подгот. В.Б. Крысько, И.М. Ладженский, Т.И. Межиговская / Под ред. В.Б. Крысько. М., 2015.
31. Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка. М., 1989. Т. I–III.
32. Поп-Атанасова С., Костовска В. Лексиката во поетските творби на Климент Охридски. Скопје, 2005.
33. Христова И. Речник на словата на Климент Охридски. София, 1994.
34. Крашенинникова О.А. Древнеславянский Октоих св. Климента архиепископа Охридского: по древнерусским и южнославянским спискам XII–XIV веков. М., 2006.
35. Ефимова В.С. О проблеме дифференциации старославянского лексического инвентаря (в поисках кирилло-мефодиевских переводов) // Славянский альманах 2012. М., 2013.

36. Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975. Вып. 2.
37. *Bláhová E.* Kompozita v staroslověnské terminologii // *Slavia*. Praha, 1996. Roč. 65.
38. *Ефимова В.С.* Об изучении старославянской лексики в тезаурусных греческо-старославянских группах // *Славянский альманах 2013*. М., 2014.